

Святослав Логинов

МНОГОРУКИЙ БОГ
ДАЛАЙНА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Л 69

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-22644-9

© Святослав Логинов, 1995, 2018,
1990, 1991, 1999, 2010, 2011, 2023
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

МНОГОРУКИЙ БОГ
ДАЛАЙНА

*Прежде начала времён в мире не было ничего,
лишь посреди пространства стоял алдан-тэсэг, а на нём
сидел старик Тэнгэр, который уже тогда был стар.
Тэнгэр сидел на алдан-тэсэге и думал о вечном.
И чем больше он думал, тем яснее ему
становилось, что вечность длится
долго и конца ей
не видно.*

Тогда Тэнгэр сказал:

— Это правильно, что у вечности нет конца, а я — бессмертен, потому что для мыслей о вечном нужна вечность. В этом есть смысл, и мир всегда будет таким.

И тут он услышал голос:

— Ты ошибаешься, мудрый Тэнгэр!

Тэнгэр глянул вниз и увидел, как из тёмной дыры в подножии алдан-тэсэга выползло существо скверного вида.

— Я Ёроол-Гуй — обитатель бездны, — сказало существо. — Я родился из твоих отбросов и за это ненавижу тебя. Теперь я буду сидеть на твоём месте и думать о вечном, а ты пойдёшь вниз.

Тэнгэр, разгневанный такими словами, встал и схватил существо, чтобы запихать его обратно в дыру, из которой оно выползло, но Ёроол-Гуй обхватил Тэнгэра бесчисленными дюжинами цепких рук и начал биться с ним за право сидеть на тэсэге. Тэнгэр был сильнее, но Ёроол-Гуй прильнул к нему дюжиной дюжин жадных ртов ипил его кровь, поэтому Тэнгэр не мог сокрушить врага, а тэсэг стоял пустой, и в мире не было порядка. Битва продолжалась долго, и когда у вечности кончились древние века, Тэнгэр сказал:

— Ты видишь, что никто из нас не может победить, ибо мы оба бессмертны. Скажи, что хочешь ты теперь? Обещаю исполнить это ради тишины и моего спокойствия.

— Я хочу иметь место, где я мог бы жить, — ответил Ёроол-Гуй.

— Хорошо, я построю для тебя четырёхугольный далайн — обширный и не имеющий дна, я наполню его водой, чтобы ты мог плавать, населю всякими тварями, мерзкими и отвратительными на вид, а ты будешь властвовать над ними.

— Ещё я хочу, чтобы там тоже был тэсэг, потому что и я люблю думать о вечном, — сказал Ёроол-Гуй.

— Пусть будет так, — согласился Тэнгэр. — Я поставлю в далайне квадратный остров — оройхон. Он будет опираться на восемь столбов, и на верхушке каждого из них встанет суурь-тэсэг, что значит: место, откуда далеко видно.

— Но пусть и на оройхоне водятся твари, годные мне в пищу: я буду их убивать, потому что ненавижу всех, умеющих ходить.

— Ты хочешь многого, — сказал Тэнгэр, — хотя я согласен и на это. Но тогда я построю не один, а пять оройхонов, чтобы ты не мог убить всех разом, потому что ты умеешь лишь ползать, и те, кто успеет убежать от тебя на соседний оройхон, будут в безопасности. Надеюсь, теперь ты доволен?

— Нет, — сказал Ёроол-Гуй. — Мне надо, чтобы среди этих тварей была одна похожая на тебя, как схожи капли воды, чтобы у неё были две руки и две ноги, чтобы она умела разговаривать и думать о вечном. Я буду убивать эту тварь в память о нашей битве и смеяться над тобой.

Нахмурился Тэнгэр.

— Ты зря просишь это, — сказал он, — но раз я обещал, то создам для тебя человека. Только знай, что раз в поколение — а люди по твоей просьбе будут смертны — среди них станет рождаться илбэч — строитель оройхона. Он начнёт делать новые острова для себя и своих детей, островов будет становиться всё больше, вскоре появятся и такие, до которых ты не сможешь дотянуться, поскольку их со всех сторон закроют соседние острова, а твой путь — лишь один оройхон. И я не знаю, кто над кем будет смеяться в конце концов.

— Я проклинаю твоего илбэча! — вскричал Ёроол-Гуй. — Он нигде не найдёт покоя и не встретит счастья. У него не будет друзей, и даже родня станет издеваться над ним. А если он хоть

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА

кому-нибудь скажет о своём даре, то проживёт не больше дня. Я буду охотиться за ним неутомимо, он не уйдёт от моей мести, даже если выстроит оройхон на краю мира. Граница встретит его жаром и пламенем, и он не сможет ни жить там, ни убежать из далайна. Так я сказал!

— Ты сказал всё? — спросил Тэнгэр.

— Нет, но моё последнее слово я скажу потом.

Промолвив так, Ёроол-Гуй уполз в тёмную дыру, а Тэнгэр пошёл строить далайн. Алдан-тэсэг остался пустым, и никто не думал о вечном.

Долго продолжалась работа, лишь на исходе срединных веков вернулся Тэнгэр, ударил по основанию алдан-тэсэга и, когда Ёроол-Гуй выполз, сказал ему:

— Я всё сделал по твоему слову.

Они вместе отправились к далайну, и Ёроол-Гуй, увидав, что всё исполнено, усмехнулся и произнёс:

— Я отправлю воду далайна своим ядом, так что это уже будет не вода, и когда-нибудь яд разъест стены далайна и растечётся по всему пространству, и нигде не останется места для глупого Тэнгэра.

— Что ж, — сказал Тэнгэр. — Это было твоё последнее слово, и пусть будет по-твоему. Но берегись, если прежде в далайне не останется места для тебя!

И поскольку это действительно были последние слова, то Ёроол-Гуй молча канул в глубине далайна, а Тэнгэр вернулся на алдан-тэсэг думать о вечности, у которой кончились срединные века и начались новые.

ПОСЛЕДНИЙ
ОРОЙХОН
ЭНЖИНА

ДАЛАЙН

ЗЕМЛЯ
ДОБРЫХ
БРАТЬЕВ

ЗЕМЛЯ ВАНА

ДАЛАЙН

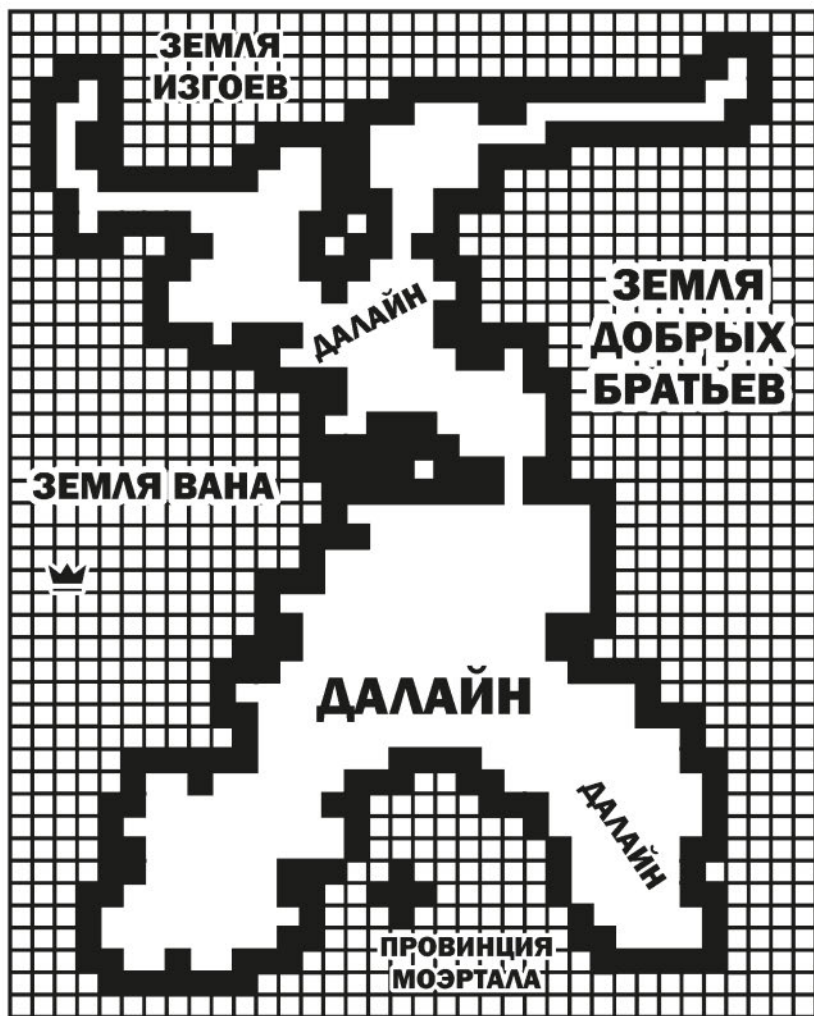
ПЕРВЫЙ
ОРОЙХОН
ЭНЖИНА

ДАЛАЙН

ТОРГОВЫЙ
ОРОЙХОН

КРЕСТ
ТЭНГЭРА

ЗЕМЛЯ
СТАРЕЙШИХ

**ЗЕМЛЯ
ИЗГОВ**

**ЗЕМЛЯ
ДОБРЫХ
БРАТЬЕВ**

ЗЕМЛЯ ВАНА

ДАЛАЙН

ДАЛАЙН

**ПРОВИНЦИЯ
МОЭРТАЛА**

ГЛАВА I

Большущая тукка, не прячась, сидела на самом видном месте — на верхушке суурь-тэсэга. Не заметить её казалось просто невозможно. То есть, конечно, тукку всегда можно не заметить, её шкура сливается со скользким белёсым нойтом, покрывающим в оройхоне каждый камень и каждую пядь. Тукка и сама похожа на камень, так что немудрено пройти мимо, едва не наступив на неё. Рассказывают, что хромой Хулгал однажды, не разобрав, сел на тукку и что именно с тех пор он хромает. Этому Шооран не верил — какая же тукка позволит сесть на себя? Хотя при опасности тукка предпочитает затаиться. Но на этот раз она пошевелилась, и Шооран заметил её. Такое случилось с ним впервые, обычно он лишь наблюдал, как большие мальчишки гоняют тукку, вздумавшую среди дня высунуться наружу. Чаще всего тукке удавалось улизнуть, но чем бы ни завершилось дело, венчала его всеобщая драка — мальчишки делили пойманную добычу или выясняли, кто виноват в неудаче. В любом случае Шооран был слишком мал — и чтобы охотиться, и чтобы драться. Он лишь следил за другими, восхищаясь ими и ненавидя в предвкушении той минуты, когда сам вмешается в эту жизнь и, разумеется, для начала будет побит.

Но сейчас рядом никого не было, а тукка была. Шооран проворно снял старый истрёпанный жанч и, пригнувшись, начал подкрадываться к тукке. Он кинул жанч с пяти шагов и попал. Одежда накрыла тукку с головой, так что зверёк уже ничего не видел и не мог нырнуть в тёмные пещеры у подножия суурь-тэсэга. Эти дыры были так велики, что в них мог пройти взрослый мужчина, но в мокром оройхоне на такое в одиночку не решился бы ни один безумец. Дыры вели в шавар — подземные

пещеры, до половины залитые едким нойтом, кишасшие хищной и ядовитой мерзостью. Если бы тукка ушла в шавар, достать её оттуда стало бы невозможно. Но ослепшая тукка помчалась вперед, волоча по слизи полы жанча. Шооран побежал следом. Он забыл об опасности, о том, что мама запрещала отходить далеко от границы, а видел лишь тукку, которую надо догнать. Дважды он падал, вымазав в нойте ладони и чуть было не потеряв из виду беглянку. Потом он догнал тукку и попытался схватить её, но тукка ударила иглами, пробившими жанч разом в двадцати местах, и сумела вырваться. Но всё же это была удача, потому что проколотый жанч не мог слететь с головы зверя, и победа Шоорана становилась лишь вопросом времени. Об испорченной одежде и саднящих ладонях Шооран не думал — шкура большой тукки стоит дороже старого жанча, к тому же мама, конечно, сможет прокалить жанч на огненном аваре, а потом как-нибудь починить его.

Шооран схватил обломок камня и кинул. Делать так не полагалось — камень мог испортить иглы, но Шооран устал и обозлился. Он и так с утра забрёл чересчур далеко — много дальше, чем позволялось ему, а теперь ещё бежал вслед за туккой, которая, казалось, и не думала уставать и каждый раз, когда Шооран настигал её, выпускала всё новые иглы, безжалостно калеча кожу жанча, шипела и металась из стороны в сторону. Камень, впрочем, в тукку не попал, а ударившись об один из мелких тэсэгов, поднимавшихся повсюду, разлетелся на хрупкие осколки. Тукка на мгновение остановилась, вертя замотанной головой и, видимо, ничего уже не соображая от страха, и тут Шооран схватил её. Он наступил на край жанча, рукой, пачкаясь в нойте, ухватил другой край и поднял жанч с запутавшейся в нём туккой на воздух. Тукка завертелась и зашипела отчаянно, но это не помогло ей. Шооран свёл полы вместе, крепко стянул их рукавами, и тукка оказалась упакованной в узел. Она могла шипеть и бить иглами, но освободиться не умела. Правда, нести её придётся на вытянутой руке, чтобы не напоротся на иглу.

Шооран гордо распрямился, подняв вверх узел, и вздрогнул, лишь теперь увидев, куда забежал, увлечённый погоней. Впереди не было ни одного тэсэга, оройхон там кончался, а дальше,

насколько хватало глаз, расстилалась бледная гладь далайна. Далайн казался живым, он дышал, по липкой тягучей влаге медленно пробегала дрожь. Временами на поверхности вздувался бугор, он бесцельно двигался, пока не опадал или не ударялся о край оройхона. Тогда на камне оставалась шевелящаяся грудка поделённых на сегменты тел, извивающихся щупалец, каких-то спутанных волос. Влага растекалась по сторонам, загустевала, превращаясь в нойт.

Секунду Шооран обалдело смотрел на эту картину, о которой так много слышал, потом повернулся и бегом бросился назад. Он, никогда прежде не выдавший далайна, отлично знал, что его глубины могут выпустить смерть. Житель далайна, страшный Ёроол-Гуй выбрасывался на берег и цепкими руками тащил к себе всех, до кого успевал дотянуться. А рук Ёроол-Гуй имел много и мог дотянуться до любого места в оройхоне. В такую минуту люди бежали к границе и, вжавшись между пальцами аварами, пережидали беду. Последний раз такое случилось два года назад, когда Шооран был совсем маленьким. Он запомнил лишь темноту и отчаянный шёпот матери: «Не смотри! Не смотри!..» А что он мог видеть, если мама с головой укутала его в свой жанч и так крепко держала, что при одном воспоминании о том дне у него начинают болеть кости? И всё же именно тогда он понял, почему мама требует, чтобы он не отходил далеко от границы. Ведь только на узкой полоске между всежигающими аварами и кромкой оройхона удавалось быть в безопасности. Жаль, что прокормиться на этой полосе не смогла бы и тукка, поэтому всем, даже детям, каждый день приходилось отправляться на загаженный нойтом оройхон, и Шооран, несмотря на предупреждения матери, постепенно уходил всё дальше от безопасной границы, пока наконец не достиг далайна.

Большие мальчишки хвастались, что ходят сюда чуть не ежедневно, но Шооран знал, что это неправда, и потому бежал, не пытаясь скрыть страх. Но через пару минут начало болеть под ложечкой, Шооран задохнулся и перешёл на шаг. Далайн был уже не виден, страх отпустил, и вновь стала радовать тукка, затянутая в узел и даже не пытающаяся выбраться на волю. Такая огромная тукка! За её шкуру можно получить всё, что угодно. Из шкуры тукки шьют башмаки, которые носят знатные цэ-

рэгги, живущие на сухих оройхонах, и даже сам царственный ван. Там, в сухих краях, есть много чудесных вещей, но тукки там нет... тем более такой большой. Из неё одной получится целый башмак. А если шить башмаки поменьше, то можно выкроить и два. Шооран представил свои ноги не в бесформенных буйях, а в башмаках из кожи тукки с иглами в носке и на пятке, чтобы удобнее было драться, и проникся гордостью за свой подвиг. А мясо тукки, говорят, очень вкусное... он никогда не пробовал его.

Шооран миновал уже два суурь-тэсэга и знал, что скоро окажется в знакомых местах. В отличие от простых, мелких тэсэгов, разбросанных повсюду словно бородавки, восемь суурь-тэсэгов располагались квадратами, они были высоки, и по ним удавалось легко найти дорогу. Шооран снова припустил бегом, но вдруг остановился. Навстречу ему из-за кривобокого тэсэга вышел Бутач.

Бутач был самым большим и отчаянным из мальчишек, он часто отнимал еду даже у взрослых женщин. Просто так он никого не трогал, но пройти мимо маленького мальчика, да ещё с тугим узлом в руках, не мог.

— Что промыслил? — ласково спросил Бутач.

— Ничего... — Шооран попятился.

— Ну коли ничего, так давай сюда, — заключил Бутач. — Ведь если это «ничего», то тебе его не жалко. Так ведь?

— Не дам, — внутренне похолодев, сказал Шооран.

После таких слов немедленно должна была последовать взбучка, Шооран внутренне был готов к ней и даже согласен, что так и должно быть, но... только не сейчас. То есть пусть будет какая угодно взбучка, но тукку он не отдаст. Он поймал тукку сам... это его тукка...

— Это мама сказала отнести Боройгалу, — принялся врать он, отчаянно надеясь, что упоминание самого сильного из мужчин остановит грабителя. Однако на Бутача слова действовали слабо. Он протянул руку, намереваясь вырвать узел из ослабевших пальцев, но Шооран дёрнулся назад и резко, без размаха хлестнул Бутача узлом по лицу. Очнувшаяся тукка разом выпустила все свои иглы, щека Бутача мгновенно вспухла и окрасилась кровью. Узел развязался, тукка выпала. Ещё в воздухе

она извернулась, чтобы приземлиться на ноги, и, ни секунды не мешкая, кинулась наутёк. Шооран метнул вслед жанч, но промахнулся. Может быть, он попал бы и на этот раз, если бы не Бута-ч. В первый миг тот замер, захлебнувшись криком — ядовитые иглы обожгли нестерпимой болью, — но потом, увидев тукку, пересилил себя и, сбив с ног Шоорана, ринулся вдогонку.

Шооран поднялся, поднял окончательно изгаженный жанч. Тряслись руки, дрожали губы. Жизнь, только что казавшаяся замечательной, погибла безвозвратно. Тукка сбежала, и не важно, поймают её Бута-ч или нет: он теперь раздет, и руки болят, и неясно, что сказать маме, а Бута-ч, когда вернётся, попросту убьёт его. Такого не прощают никому и никогда — рубцы от игл останутся на лице Бута-ча на всю жизнь, так что Шоорану теперь лучше сразу и самому прыгнуть в далайн.

— Жирх вонючий! — выкрикнул Шооран самое страшное оскорбление, какое только знал.

Скорее всего, Бута-ч не услышал его, да и что мог добавить крик к тому, что он уже сделал! Ничто не могло ни исправить беды, ни сделать ему ещё хуже. Шооран медленно поплёлся к дому. Здесь уже было много людей: женщины тонкими палочками разгребали жидкую грязь, выискивая съедобную чавгу, малыши играли в кашу-малашу, а те, кто постарше, — в запретную, но вечную игру «Мышка, мышка, засоси!». Шооран не видел никого. Больше всего ему хотелось, чтобы весь оройхон провалился сейчас в глубины, и пусть, раз мир так несправедлив, не останется вообще ничего, лишь тягучая влага и безмолвные твари далайна, скверные на вид.

Шооран всхлипнул, дождавшись наконец слёз, и словно тяжёлое эхо донеслось в ответ на его судорожный всхлип. Сосу-щий чмокающий звук прокатился над приземистыми тэсэгами, заглянул в беспросветные недра шавара, вернувшись оттуда усиленным, и завершился бесконечно сильным мокрым шлепком, гулко отдавшимся в раскалённом аду приграничных аваров.

Долгий миг в воздухе висела оторопелая тишина, затем все разом закричали, началась паника. Испугались даже те, кто по малолетству не мог помнить этого звука: страх был безусловен, его воспитала память предков, погибавших под шумный хлю-

пающий вздох. Люди похватили кто что мог: грудных детей, оставленных на верхушке тэсэга, где посуше, мешки с чавгой и сырым харвахом, палки из хохиура и настоящего дерева, ещё какой-то скарб — бросать нельзя ничего! — и кинулись к огненной границе на узкую полосу, свободную и от огня и от влаги. Дети бежали вместе со взрослыми — кто-то сбивал их с ног и, не оглянувшись, бежал дальше, кто-то задерживал шаг и подхватывал на руки. Бежали трёхлетки, размешивавшие «кашу-малашу», сдуло игроков в «мышку»: лишь один — чемпион, кого неведомая «мышка» засосала особенно глубоко, — бессильно дёргался, пытаясь освободить увязшие ноги, и отрывисто, вскриками плакал.

Шооран бежал вместе со всеми, не разбирая дороги, разбрызгивая вонючую грязь и перепрыгивая через камни. В усталые ноги словно вошла новая жизнь, иначе бы он ни за что не сумел добежать. Перебираясь через россыпь рыхлых камней, он оглянулся и увидел, как за ближними тэсэгами бугрится, отблёскивая, полупрозрачная студенистая масса, она ползёт, разрастаясь, настигая бегущих. Оттуда в воздух взлетали плети щупалец с присосками, роговыми когтями или смертельно жгучей бахромой; щупальца отсекали дорогу и тащили извивающихся, кричащих людей. Другие руки — тонкие и гибкие — ныряли в шавар, выволакивали на свет то, что пряталось там. Тысячи отростков ощупывали каждую пядь суши, не пропуская и не щадя никого — великий Ёроол-Гуй хотел есть.

Одна из рук шумно упала впереди, преградила путь, растопырив пальцы, каждый из которых был похож на многоногого жирха, но Шооран, взбежав на полуразрушенный тэсэг, сумел перепрыгнуть её, не коснувшись отростков. Кто-то мчался впереди, кто-то кричал сзади, Шооран ничего не понимал и лишь вскрикнул, почувствовав, как его крепко ухватило за плечо, разом остановив. Шооран завизжал, повалился на землю, пытаясь высвободиться и бежать дальше, но неожиданно услышал негромкий и оттого особенно невозможный в эту минуту человеческий голос:

— Да остановись ты! Куда рвёшься? Тебе так необходимо изжариться поскорей?

Шооран открыл глаза и понял, что остался жив. Он сам не заметил, когда перескочил невысокий каменный поребрик, ограничивающий мокрый оройхон, и теперь у него под ногами была сухая твёрдая земля пограничного оройхона. Противоположный, огненный конец этого острова упирался в край мира, но здесь было даже не очень жарко и, главное, совершенно безопасно. За плечо Шоорана держал хромой Хулгал, на которого Шооран налетел сослепу, когда, не разбирая дороги, нёсся к огненным грудам аваров. Те из людей, кто успел скрыться в пограничном оройхоне, подобно Шоорану не могли остановиться и рвались вглубь, в самое пекло. Огонь, боль от ожогов казались не так страшны, как тяжело ворочающийся всего в нескольких шагах Ёроол-Гуй. Было невозможно представить, что узенький поребрик, разделяющий оройхоны, неодолим для могучего гиганта. Ведь сами люди каждый день, не замечая, переступали эту преграду. Только Хулгал и остановленный им Шооран остались на краю, в нескольких шагах от смертельной зоны.

— Не тронет, кишка тонка нас здесь достать, — злорадно проговорил Хулгал.

Неловко переваливаясь, старик подошёл ближе и плюнул на ползущий совсем рядом щупалец: бесконечно длинный и тонкий как нитка.

— Вот ведь пакость какая, там ему только попадись, а здесь ничего не может. Я его хорошо знаю — везёт мне на встречи. Раньше тоже бегал от него, отворачивался, а теперь — не боюсь. Но-но, место знай, тварь! — крикнул он и ударил палкой по кончику даже не щупальца, а словно бы уса или волоса, который слепо шарил по краю поребрика, безуспешно пытаясь перелезть через него.

Ус мгновенно обвился вокруг палки, натянулся струной и с лёгкостью вырвал её из старческой руки.

— Вот скотина! — огорчённо сказал Хулгал. — Палку слопал. Как же я теперь ходить буду?

Шооран не слушал болтовни старика, вызванной тем же нервным потрясением, что заставляло других лезть в огонь или лежать ничком, закрыв руками голову. Самого Шоорана тоже трясло, и он следовал за Хулгалом словно сомнамбула, и если

бы Хулгал перешёл сейчас роковую черту, то и Шооран, даже не поняв, что делает, тоже отправился бы на гибель.

Чудовище, взгромоздившееся на оройхон, на восемь суурь-тэсэгов разом, молчало, смолкли и крики погибавших; кроме громады Ёроол-Гуя, на опустошённом оройхоне не осталось ничего живого. Лишь полчища рук Ёроол-Гуя продолжали жить своей жизнью: бесцельно крошили камень, с жирными шлепками окунались в грязь, резко разворачивались, будто стремились отбросить что-то. Потом студенистое тело раздалось в стороны, словно по нему провели глубокий разрез небывало огромной бритвой, и изнутри выдавился глаз — круглый и немигающий, большой, словно чан для харваха. Глаз жутко вращался, взблёскивая чёрной глубиной расплывшегося зрачка, и вдруг остановился, вперившись почти осмысленным взглядом в лицо Шоорану. Взгляд тянул к себе, требовательно звал, и Шооран, шумно выдохнув воздух, шагнул навстречу, но костлявые пальцы Хулгала сомкнулись на плече, а дребезжащий голос разрушил наваждение:

— Ишь ты, голову дурит. Ты, малец, лучше не смотри, такое не каждому взрослому вынести можно, того и гляди сам к этому бурдюку на обед отправишься. Пойдём отсюда, он, похоже, надолго на наших тэсэгах расселся.

И, словно опровергая слова старика, заструились, укорачиваясь, щупальца, захлопнулись десятки ротовых отверстий с тёрками мелких зубов, скрылся глаз, и вся скользкая туша, вздрагивая и сокращаясь, поползла прочь. Ёроол-Гуй уходил.

Едва он скрылся из виду, как пограничная полоса ожила: раздались голоса, стоны, плач — ошпаренные люди полезли из-под защиты аваров. Они бегали, искали друг друга, звали погибших.

Шооран молча опустил на камень. Он смотрел туда, где только что копошились конечности хищной бестии, и медленные слёзы, не принося облегчения, текли по его щекам. Хулгал что-то говорил, потом поковылял прочь, должно быть, искать новую палку — Шооран ничего не слышал и не замечал. И лишь когда из сгущающейся вечерней темноты появилась мама, по всему оройхону ищущая пропавшего сына, схватила его на ру-

ки, принялась целовать, повторяя: «Живой! Живой!..» — лишь тогда Шооран с трудом выговорил:

— Мама, он всех съел: и того мальчика, и Бутача, и мою тукку. У меня всё было, а он пришёл и съел. Всё — даже палку Хулгала...

— Нет, нет! — смеясь и плача, отвечала мама. — Он нас с тобой не съел, мы убежали...

— Всех съел, — не слыша, повторял Шооран.

* * *

На следующий день те, кто остался жив, задумались, как существовать дальше. Округа была опустошена подчистую, пройдёт ещё не одна неделя, прежде чем в грязи зашевелиятся жирхи с тошнотворной, но всё же съедобной плотью, созреет под чешуйчатой скорлупой водянистая чавга, а шавар заселят всевозможные существа, и среди них вожделенная тукка. Сейчас на оройхоне были истреблены даже заросли хохиура — вполне бесполезной травы, из которой только и можно сделать, что палочку для разгребания грязи. Короче — не осталось ничего, кормиться предстояло на соседних оройхонах, что, несомненно, не могло понравиться жителям этих мест.

Соседи жили с двух сторон, но стороны были явно неравноценны. На востоке простиралась обширная страна, состоящая из множества оройхонов, выстроенных Ваном — илбэчем, жившим много лет назад и оставившим следы своих трудов во всех землях. Правители восточных земель называли себя ванами и возводили свой род к знаменитому илбэчу, хотя всякий знал, что древнее проклятие обрекало строителя оройхона на одиночество. Но противоречить царственному мнению никто не смел, тем более что удачливый Ван умер неразгаданным, и теперь на его счёт можно было строить какие угодно домыслы. Ближайший восточный оройхон выходил на далайн лишь одним углом, и хотя жизнь на нём, казалось, была такой же, что и на пострадавшем острове, но считался он особым, ибо прикрывал сухие земли царствующего вана. Соваться туда — значит столкнуться с хорошо вооружёнными и безжалостными цэрэгами, охраняющими от вторжения чужаков перенаселённые земли. Ясно, что

СОДЕРЖАНИЕ

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА. <i>Роман</i>	5
Авторское послесловие	443
Сидящий на краю	447
Что могло произойти дальше	484
ЗАКАТ НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ. <i>Повесть</i>	487
МИРАКЛЬ РЯДОВОГО ДНЯ. <i>Повесть</i>	539
КВЕСТ. <i>Повесть</i>	589
ОСЬ МИРА. <i>Повесть</i>	623
ФИЛОЛОГ. <i>Повесть</i>	721

Логинов С.

Л 69 Многорукий бог далайна : роман, повести / Святослав Логинов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 864 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22644-9

В прямоугольном мире далайна, придуманном Святославом Логиновым, всё расчерчено на квадраты, участки суши фиксированного размера, приспособленные для жизни людей. Вернее, не для жизни — для выживания. Сам далайн расположен в бассейне квадратной формы, заполненном ядовитой слизью. В бассейне обитает чудовище, многорукое порождение бездны. Творец создал этот мир специально для Многорукого, чтобы тот отвлекся от борьбы с ним и не мешал ему, творцу, размышлять о вечном. Монстр люто ненавидит людей и стремится их уничтожить. Ведь расширяя территорию суши, люди сокращают ему, хозяину жестокого мира, бесценное жизненное пространство. Сам творец не помощник людям, и в далайне человек обречён стать жертвой многорукого бога. Но по воле творца один раз в поколение в этом мире появляется тот, кто способен одолеть монстра. Правда, пока никому из тех, кого судьба избрала совершить этот подвиг, такое не удавалось. Получится ли избавить мир от чудовища у юного Шоорана, которому в его поколении выпала роль избранника?..

Роман «Многорукий бог далайна» дополнен авторским послесловием и главами из продолжения книги, так и оставшейся незаконченной.

В сборник входят также лучшие повести писателя разных лет, одна из которых, «Филолог», в книжном виде печатается впервые.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Литературно-художественное издание

СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛОГИНОВ

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная вёрстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Наталья Хуторная,
Маргарита Ахметова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.02.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 52,92.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-FFB-31621-01-R